

ОЛЕГ ПЕТ

КОЛЛАЙДЕР. СОБИРАТЕЛЬ ДУШ

18+

Олег Пет

Коллайдер . Собиратель душ

<https://litres.ru/74316173>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он хотел умереть. Но попал в коллайдер, где души собирают как пазлы.

Ему дали работу: убивать неправильные души.

Ему предложили сделку: воскресить жену.

Он получил три дня: спасти человечество или смотреть, как оно исчезнет.

Алексей — обычный учитель. Без талантов, без силы, без надежды. Но именно он должен сделать выбор, от которого зависит всё.

«Коллайдер. Собиратель душ» — философская драма о том, что гениальность — это проклятие, а величайший талант — просто быть человеком.

Олег Пет Коллайдер .

Собиратель душ

КОЛЛАЙДЕР. СОБИРАТЕЛЬ ДУШ

роман

Пролог. Часовой механизм

Коллайдер не имел ни стен, ни потолка — только бесконечное матовое пространство, пронизанное золотыми нитями, похожими на паутину. В центре этой паутины висела сфера, полупрозрачная, как мыльный пузырь, внутри которой пульсировали тысячи огней. Каждый огонь был душой. Одни горели ровно, другие мерцали, третьи угасали, готовясь к перерождению.

Смотритель стоял у пульта — каменной плиты, покрытой светящимися рунами. Его пальцы скользили по поверхности, регулируя потоки, направляя осколки в нужные каналы. Он работал молча, сосредоточенно, как часовщик, который

настраивает самый сложный механизм в мире. Каждое движение было выверенным, каждое решение — обдуманное. Он не имел права на ошибку. Ошибка стоила жизни.

За его спиной, на возвышении из чёрного стекла, сидел Судья. Он не двигался, не говорил, не дышал. Его лицо скрывала маска, на которой не было черт — только гладкий белый овал. Он смотрел на процесс вездесущим взглядом, регистрируя каждое действие, каждое нарушение, каждое сомнение. Судья не вмешивался. Он только наблюдал. Но его присутствие давило, как тяжесть горы, которую невозможно сбросить.

— Ты опять дал ему таланты, — раздался голос из тени.

Коллекционер вышел из-за колонны, которой не существовало. Он появлялся всегда неожиданно, будто вырастал из воздуха. Сегодня он был в чёрном плаще, с маской на лице — красное око горело, как уголь.

— Ты дал ему математический дар, — продолжил он, подходя ближе. — Ты знаешь, что он умрёт в тридцать семь. Ты убиваешь его своей заботой.

Смотритель не обернулся. Его пальцы продолжали скользить по рунам.

— Я даю ему жизнь. Тридцать семь лет величия — это больше, чем семьдесят лет пустоты.

— Пустоты? — Коллекционер усмехнулся. — Ты называешь пустотой тишину, в которой человек может любить, растить детей, видеть закаты? Ты называешь пустотой счастье, которое не требует оправданий?

— Я называю пустотой существование без следа, — ответил Смотритель. — Он умрёт, и никто не вспомнит его имени. Его жизнь растворится, как дым. Мои гении оставляют после себя книги, музыку, формулы. Они меняют мир.

— Они меняют мир, но не меняют себя, — парировал Коллекционер. — Они умирают в одиночестве, сожжённые собственным огнём. Ты даёшь им свет, но отнимаешь тепло. Это не дар, это проклятие.

Смотритель остановился. Он повернулся к Коллекционеру, и в его глазах — сером и золотом — мелькнула усталость.

— А что ты предлагаешь? Сделать их бессмертными? Дать им все таланты сразу, чтобы они сгорели за год? Ты крадёшь лучшие фрагменты и вшиваешь их в тела, не думая о последствиях. Твои «шедевры» становятся чудовищами или

безумцами. Где здесь человечность?

— Человечность — в страсти, — ответил Коллекционер. — В боли, в радости, в любви, которая уничтожает. Ты боишься огня, Смотритель. Ты предпочитаешь ровный свет, который никого не обжигает. Но ровный свет не даёт теней. А без теней нет глубины.

— Глубина не стоит смерти, — сказал Смотритель.

— Смерть — часть жизни, — возразил Коллекционер. — Ты забыл это, потому что стал бессмертным. Ты не помнишь, каково это — чувствовать, что время уходит. Я даю им время, наполненное смыслом. Ты даёшь им время, наполненное ожиданием. Что лучше?

Смотритель молчал. Он смотрел на сферу, где пульсировали души, и думал о том, что Коллекционер прав в одном: он, Смотритель, боится огня. Он видел, как сгорают души, когда он дает им талант, который они не могут выдержать. С тех пор он стал осторожным. Слишком осторожным.

— Правила существуют не для того, чтобы их нарушать, — тихо сказал он. — Они существуют, чтобы защищать.

— Правила существуют, чтобы их переписывать, — отве-

тил Коллекционер. — Ты держишься за них, как утопающий за соломинку. Но соломинка не спасёт, когда придёт шторм.

Он шагнул к пульту, но Смотритель преградил ему путь.

— Ты не тронешь этот механизм, — сказал он. — Это моя зона.

— Твоя зона? — Коллекционер засмеялся. — Ты всего лишь смотритель, Михаэль. Ты не создатель. Ты не судья. Ты — винтик в системе. И винтики можно заменить.

Сверху, с чёрного стекла, донёсся звук — тихий, похожий на звон колокола. Судья поднял руку, и оба замолчали.

Голос Судьи был бесполом, холодным, как лёд:

— Прекратите. Вы оба нарушаете тишину. Правила ясны: души собираются по регламенту. Любое отклонение фиксируется и наказывается. Вы не имеете права спорить о том, что предопределено.

— Предопределено? — переспросил Коллекционер. — Кем? Тобой? Ты сидишь на троне и смотришь, но не видишь. Ты не знаешь, что такое жизнь. Ты — просто программа.

— Я — закон, — ответил Судья. — И закон не обсуждают. Продолжайте работу.

Он опустил руку, и тишина вернулась.

Смотритель снова повернулся к пульта.

Но в тот же миг золотые нити дрогнули, и по ним пробежала рябь, как от брошенного камня. Одна из нитей натянулась, и в сфере замигал слабый, почти неразличимый огонёк. Он не был частью плановой сборки. Он возник из ниоткуда, как выброшенная из мира волна.

Смотритель замер. Его пальцы перестали двигаться. Он посмотрел сквозь стеклянную стену в бесконечный коридор — и увидел фигуру, которая только что материализовалась там. Мужчина в мятой одежде, с бледным лицом и пустыми глазами. Его душа светилась тускло, почти неразличимо, но в ней было что-то, что заставило сердце Смотрителя — то, что осталось от сердца, — забиться быстрее.

Кто это? — спросил Коллекционер, подходя ближе.

— Смотритель не ответил. Он смотрел на незнакомца, и в его золотом глазу мелькнула искра. Ставка была сделана. Начиналась новая игра.

Алексей стоял в матовом пространстве и чувствовал, как воздух давит на плечи. Здесь не было окон, не было дверей, не было привычных вещей. Только свет, который не знал, откуда он взялся, и тишина, которая звенела в ушах, как радиопомехи.

Он оглянулся. Стекланные стены уходили вверх, теряясь в белой дымке, и за ними плыли тени — бесформенные, полупрозрачные, они двигались медленно, как подводные растения, и касались стекла, не оставляя следов.

Коллайдер дышал. Он чувствовал это — ритмичное, глубокое дыхание, как у спящего зверя. Под ногами, под матовым полом, текла светящаяся река. Золотые нити, похожие на паутину, пульсировали, переливаясь от тусклого серебра до ослепительного жёлтого, и в них можно было разглядеть лица. Они мелькали, исчезали, появлялись снова — человеческие лица, которые смотрели на него с мольбой или удивлением, а затем растворялись в потоке света.

Пахло озоном и сыростью. Как в подвале, где течёт вода. Как в старом трансформаторе, который вот-вот закоротит. Иногда этот запах смешивался с чем-то сладким, почти приговорным — как цветы, которые кладут на могилы, когда кто-то уходит слишком рано.

Алексей сделал шаг вперёд. Его шаги не звучали. Пол не отзывался, стены не отражали звук. Он шёл по коридору, который сужался, расширялся, менял направление, подчиняясь неведомой логике, и чувствовал, как пространство сжимается вокруг него, как одежда, которая стала мала.

Сфера. Он увидел её в центре зала. Она висела в воздухе, не касаясь пола, и внутри неё пульсировали тысячи огней — как звёзды в ночном небе, но слишком близкие, слишком реальные. Каждый огонь был душой. Одни горели ровно, спокойно, как старые лампы. Другие мерцали, тревожно, как свечи на ветру. А третьи — тускнели, угасали, чтобы загореться снова, но уже слабее.

Звук. Здесь не было тишины. Был гул — низкий, басовитый, похожий на работу огромной турбины. Он шёл из-под земли, из самой глубины, и проникал в тело, заставляя кости дрожать. Иногда, в этом гуле, можно было услышать голоса. Не слова — просто тона, интонации, которые смешивались в единый хор. Женщины, мужчины, дети. Все они говорили одновременно, но никто не кричал. Это был шёпот, как молитва, которую произносят в пустом храме.

Алексей подошёл ближе к сфере. Он протянул руку, но стекло было гладким, холодным, и он не мог коснуться огней. Только смотреть. Только чувствовать, как они проходят

сквозь него, как свет касается кожи, оставляя след, который нельзя увидеть.

— Ты чувствуешь их? — раздался голос за спиной.

Алексей обернулся. Коллекционер стоял в нескольких шагах, и его лицо было спокойным, почти уставшим. В руках он держал осколок — маленький, светящийся, который пульсировал в такт его сердцу.

— Они кричат, — сказал Коллекционер. — Но ты не слышишь этого. Только чувствуешь. Потому что ты человек. Ты не знаешь, как они страдают.

— Почему они страдают? — спросил Алексей.

— Потому что они потеряли себя, — ответил Коллекционер.

— Они помнят, кем были. Они помнят, кого любили. И они знают, что никогда не вернутся к этому. Это и есть Коллайдер. Место, где души ждут перерождения. Или вечного сна.

Алексей смотрел на сферу и чувствовал, как его собственная душа тревожно пульсирует в груди. Ему казалось, что огни внутри сферы смотрят на него. Они знали его. Они жда-

ли его.

— Это место — не реальность, — сказал он. — Это сон.

— Сон, в котором нельзя проснуться, — ответил Коллекционер. — Добро пожаловать, Алексей. Добро пожаловать в коллайдер.

Глава 1. Падение

Октябрьский ветер пах речной гнилью и железом. Мост «Памяти» в три часа ночи был пуст — только редкие фары такси проползали по набережной, не замечая одинокую фигуру у перил.

Алексей стоял так уже двадцать минут. Пальцы заковчели, но он не прятал руки в карманы — ему нравилось чувствовать боль. Она была настоящей. В отличие от всего остального: уроков, журналов, бесконечных «нерешенных задач», которые он ставил в дневники ученикам, не в силах решить собственную жизнь.

Сорок два года. Учитель математики. Вдовец уже пять лет. Детей нет. Друзей — тех, кто звонит просто так, — тоже. Ну или почти, Василий всегда был исключением. Дни превратились в алгоритм: подъём, школа, дом, телевизор,

сон. Исключение — среда, когда он проверял контрольные, и пятница, когда покупал бутылку дешёвого виски.

«Ты — обычный человек, — шептал внутренний голос. — Без таланта, без искры. Твои ученики будут решать уравнения, а потом забудут тебя, как забывают старый калькулятор. Зачем ты вообще здесь?»

Сегодня он нашёл ответ. В карте навигатора отмечена точка — середина моста. Высота — тридцать метров. Глубина — достаточная. Вода холодная, но к моменту, когда он ударится, он уже потеряет сознание. Он всё рассчитал.

Алексей перелез через перила. Ветер рванул полы пальто, и на миг ему показалось, что кто-то тянет его назад. Он даже оглянулся — никого.

— Трусись? — спросил он себя.

Нет. Просто ждал, пока пройдёт грузовик с прицепом. Не хотелось никого травмировать происходящим.

Грузовик ушёл в темноту. Алексей уже почти разжал руки.

Он еще не успел почувствовать удара о воду. Не почув-

ствовал холода. Вообще ничего — только за секунду то этого - ослепительный белый звук, похожий на тот, что издаёт старый телевизор при переходе на пустую частоту.

А потом — тишина. И коридор. Матовое стекло, светящиеся тени, бесконечные двери. И фигура в старомодном костюме, которая смотрела на него с удивлением.

Тишина здесь была не настоящей. Она звенела, как натянутая струна, и Алексей слышал, как кровь шумит в ушах, как его собственное дыхание становится громче, чем любой звук. Он боялся говорить. Боялся, что его голос разбудит что-то, что спало здесь веками.

— Добро пожаловать, — сказал Смотритель. — Пока ты не умер окончательно. Я решил дать тебе шанс.

Алексей поднял голову. В его глазах не было страха, только усталость.

— Кто вы?

— Тот, кто собирает судьбы, — ответил Смотритель. — Но сейчас я хочу собрать твою.

Он подошёл ближе и положил руку на плечо Алексея. Под

пальцами он чувствовал пустоту — абсолютную, как вакуум. Но в этой пустоте была свобода. Свобода, которую он искал веками.

— Ты хотел совершить глупость, — сказал он. — Но у тебя есть выбор. Я могу отправить тебя обратно в твоё тело. Ты проснёшься в больнице и проживёшь до девяноста четырёх лет без талантов, без ярких вспышек. Но ты будешь жить.

— Или? — спросил Алексей.

— Или ты станешь моим глазом в мире смертных. Ты можешь мне остановить того, кто крадёт души. И если ты согласишься, я покажу тебе, что такое настоящая жизнь.

Сзади послышался тихий смех. Из тени вышел Коллекционер — высокий, в чёрном плаще, с маской на лице. Красное око горело, как уголёк.

— Ты предлагаешь ему работу? — спросил он. — Этому пустому сосуду? Он даже не знает, чего хочет. Он хотел прыгнуть с моста, потому что не нашёл смысла. Что ты можешь ему дать?

— Выбор, — ответил Смотритель. — То, чего ты никогда не даёшь.

Коллекционер усмехнулся и обратился к Алексею:

— Слушай, учитель. Я могу дать тебе то, о чём ты мечтал. Талант. Гениальность. Ты станешь великим. Но ты умрёшь молодым. Зато твоё имя останется в веках. Это ли не лучше, чем серая старость?

Алексей смотрел на них обоих. Он видел их глаза — один холодный и расчётливый, другой усталый, но тёплый. И вдруг понял, что впервые за много лет его кто-то видит. Не как учителя математики, не как вдовца, не как неудачника. А как человека, у которого есть выбор.

— Я согласен, — сказал он тихо. — Я помогу вам. Скажите что нужно делать . Но я не хочу талантов. Я хочу просто жить.

Смотритель кивнул. Коллекционер покачал головой и исчез, растворившись в воздухе, оставив запах озона.

Смотритель коснулся груди Алексея, и мир взорвался белым.

Алексей открыл глаза в больничной палате. Больница пахла хлоркой и чужим потом. Алексей лежал у окна и вдыхал этот запах, и он напоминал ему о том, как он сидел у её кровати, когда она умирала. Тогда тоже пахло хлоркой. И ещё — цветами, которые он приносил каждый день. Рядом пищал кардиомонитор, за окном начинался дождь. Он был жив.

Он лежал на больничной койке и чувствовал, как простыня натирает кожу, а капельница в руке — холодная, как лёд. Каждый раз, когда он дышал, рёбра отзывались тупой болью, и он знал, что это не от травмы. Это от того, что он слишком долго не хотел жить.

Он попытался улыбнуться — не вышло, но внутри разливалось странное тепло. Впервые за долгие годы он не хотел умирать. Он хотел просто жить. Даже если это будет долгая, скучная, обычная жизнь.

А в матовом коридоре коллайдера Смотритель стоял у стеклянной стены и смотрел на сферу, где теперь светилась новая душа — та, которую он только что отпустил. Она была пустой, но в ней была свобода. И он знал, что это начало.

Рядом, в тени, стоял Коллекционер.

— Ты проиграешь, — сказал он. — Он слаб. Он не сможет противостоять мне.

— Посмотрим, — ответил Смотритель. — Время покажет.

Судья на чёрном троне не шевелился. Он просто смотрел, фиксируя всё, что происходило. И в его белой маске не было ни одобрения, ни осуждения. Только вечное ожидание.

А за окнами коллайдера всё шёл дождь. Серый, бесконечный, как судьба.

Глава 2. Первое задание

Он вышел из больницы через три дня. Нина, медсестра, сунула ему в руки бумажный пакет с рецептами и строго сказала:

— Если ещё раз попробуешь — не вытащим, у тебя слабое сердце.

Алексей кивнул и вышел на улицу. Город встретил его сы-

рым ветром и серым небом, которое висело низко, как потолок в дешёвом кафе.

Он пошёл пешком, хотя мог бы взять такси. Ему хотелось чувствовать холод, слышать шаги, видеть обычных людей, которые не знали, что их души — пазлы, собранные в небесной канцелярии.

Он дошёл до своей квартиры, поднялся на четвёртый этаж и сел в кресло у окна. Чайник вскипел, но он не налил чай. Он смотрел на фонарь, качающийся на ветру, и ждал.

На третий день после выписки Алексей вернулся в школу. Он думал, что готов. Он думал, что сможет делать вид, что ничего не случилось.

Но когда он вошёл в класс и увидел их лица — усталые, равнодушные, спрятанные за телефонами и наушниками, — внутри него что-то щёлкнуло. Не гнев. Что-то хуже. Разочарование.

Он начал урок, но они не слушали. Девчонки переписывались, мальчишки играли в игры на телефонах. Он говорил о квадратных уравнениях, а они смотрели сквозь него, как сквозь стекло.

— Соколов, убери телефон, — сказал он ровно.

Мальчик поднял голову. В его глазах была наглая улыбка.

— Я не мешаю, Алексей Павлович. Я просто смотрю.

— Убери, я сказал.

— А что вы сделаете? — усмехнулся Соколов. — Позвоните моей маме? Она не берёт трубку. Она вообще не берёт трубку уже месяц.

Алексей смотрел на него. Внутри поднималось что-то тёмное, вязкое, как нефть. Он вспомнил ночь на мосту. Вспомнил, как старательно пытался разжать руки. Вспомнил, что никто не позвонил ему тогда. Никто не спросил, жив ли он.

— Выйди, — сказал он тихо.

— Чего?

— Выйди из класса. Сейчас же.

Соколов медленно встал. Он не испугался, он смотрел на

Алексея с вызовом, смешанным с удивлением. Он вышел, хлопнув дверью.

Класс затих. Все смотрели на учителя. Алексей стоял у доски, и его руки дрожали. Он смотрел на мел, который сжимал так сильно, что побелели костяшки.

— Продолжаем, — сказал он.

Но голос его дрогнул. Он понял, что больше не может стоять здесь, что если он останется, то скажет что-то, о чём пожалеет. Он вышел из класса, не обернувшись.

В коридоре было пусто. Он прислонился спиной к стене и закрыл глаза. В голове стучало: «Ты срываешься на них. Они дети. Они не виноваты, что ты сломлен».

Он не знал, сколько так стоял. Через минуту он ощутил легкое прикосновение руки Соколова. Мальчик смотрел на него с опаской.

— Алексей Павлович... вы в порядке?

Алексей открыл глаза. Он хотел сказать «да». Он хотел отмахнуться. Но вместо этого сказал:

— Нет. Я не в порядке. Извини. Я был неправ.

Соколов моргнул. Потом кивнул и скрылся в классе.

Алексей остался один в пустом коридоре. Он подошёл к окну и посмотрел на дождь, который начинался за стеклом.

«Ты не должен был срываться на нём, — сказал он себе. — Он же просто ребёнок. Он не знает, что ты хотел умереть. Он не знает, что ты всё ещё хочешь».

Он выдохнул и пошёл обратно в класс. Он не знал, сможет ли продолжить урок. Но он знал, что должен попытаться.

Комната Коллекционера была просторной залой без входа и выхода.

У неё не было стен — только матовый свет, который лился из ниоткуда и никуда не уходил. Он сидел за столом, и на столе лежали осколки. Маленькие, светящиеся, как звёзды, которые упали на землю.

Он перебирал их пальцами, осторожно, почти благоговейно.

Один — голубой, как её глаза. Другой — золотой, как

её волосы. Третий — прозрачный, как её смех, который он больше не слышал.

— Ты была такой маленькой, — прошептал он. — Ты боялась темноты, и я зажигал свечу. Ты говорила, что свет — это папа. Я был твоим светом. А теперь я тьма.

Он взял самый маленький осколок и поднёс к губам. Он не целовал его, он просто держал, чувствуя, как тепло от него согревает кожу.

— Я пытался вернуть тебя. Я собирал твои осколки, как пазл. Но их слишком много. Ты везде и нигде. Я вижу тебя в каждой душе, которую краду. Я слышу твой голос в каждом ребёнке, который рождается с талантом. Но это не ты. Это просто эхо.

Он опустил руки и закрыл глаза. Слез не было — он выплакал их давно, когда она умерла. Осталась только пустота, которая росла внутри, как ее опухоль.

— Я хочу, чтобы ты знала: я не злой. Я просто хочу, чтобы мир чувствовал то же, что чувствую я. Чтобы он не забывал, что такое боль. Чтобы он ценил то, что имеет.

Он открыл глаза и посмотрел на осколки. Они мерцали,

как живые, и в них отражалось его лицо — бледное, уставшее, с глазами, которые видели слишком много.

— Я не остановлюсь, — сказал он. — Прости меня.

Смотритель пришёл, когда стемнело. Бесшумно, как тень, он появился в углу комнаты, и его лицо было бледнее обычного. Он держал в руках что то похожее на планшет с гибким экраном, на котором пульсировала красная точка.

— Ты готов? — спросил он без предисловий.

Алексей не ответил. Он знал, что спросить «к чему» бесполезно. Он просто кивнул.

— В мире смертных есть человек, — начал Смотритель. — Его зовут Генрих Фогель. Ему пятьдесят три года, он президент одной из стран. В его душе — фрагмент гения-полководца, который был собран неправильно.

Коллекционер подменил часть, и теперь этот фрагмент вшит с перекосом. Он не даёт Фогелю мудрости, только жажду власти. Он хочет развязать войну. Через месяц — ядерный удар. Миллионы погибнут.

Алексей смотрел на планшет, где красная точка пульсировала, как сердце умирающего зверя.

— Что я должен сделать?

— Ты должен отправить его на пересборку, — сказал Смотритель. — Ты должен убить его. Его тело — носитель, его душа — ошибка. Если она не вернётся в Коллайдер, мир сгорит.

— Я не убийца, — тихо сказал Алексей.

— Ты — учитель, — ответил Смотритель. — Ты учишь детей решать задачи. Это задача. Реши её.

Он протянул Алексею золотую монету. На ней был выгравирован сложный узор, похожий на карту звёздного неба.

— Это ключ. Когда ты будешь рядом с ним, возьми монету в руку и коснись его. Душа выйдет, и я заберу её. Он просто заснёт и не проснётся. Никакой боли, никакой крови.

Алексей взял монету. Она была тёплой, почти живой.

— А если я не смогу?

— Тогда Коллекционер победит, — сказал Смотритель.

— Он уже вошёл в сны Фогеля. Он говорит ему, что война — это путь к величию. Каждую ночь он шепчет ему формулы и планы разрушения. Если ты не остановишь его, через месяц Фогель нажмёт красную кнопку.

Смотритель исчез, оставив после себя запах озона.

Алексей остался один. Он сжал монету в кулаке и почувствовал, как внутри разливается странная сила — не талант, не гениальность, просто уверенность. Он знал, куда идти.

Он встал, надел пальто и вышел из квартиры. На улице шёл дождь. Серый, бесконечный, как коридоры матового стекла.

Дорога заняла два дня. Алексей летел самолётом, потом ехал на автобусе, потом шёл пешком через город, который пах гарью и порохом.

Здесь было тревожно — на улицах стояли военные патрули, люди говорили шёпотом, а по телевизорам в витринах магазинов показывали лицо Генриха Фогеля. Он говорил о

величии нации, о врагах, которые окружают их, о необходимости очищения.

Алексей смотрел на экран и видел не человека, а маску. За ней пульсировал чужой огонь — талант, который не должен был попасть в руки политика.

Он добрался до резиденции президента — огромного здания из серого бетона, окружённого колючей проволокой и солдатами охраны. Остановился у ворот и понял, что не знает, как пройти внутрь. У него не было удостоверения, ни приглашения, ни плана.

Но монета в кармане нагрелась, и он услышал голос Смотрителя:

— Иди через чёрный ход. Охранник спит. У тебя пять минут. В коридорах пусто. Сейчас у охраны пересменка.

Алексей обошёл здание и нашёл дверь, за которой действительно спал человек в форме с оружием. Он прошёл мимо, не разбудив его. Поднялся по лестнице, миновал пустые коридоры, где горел тусклый свет. Он чувствовал, как монета в ладони пульсирует, указывая путь.

Он открыл дверь в кабинет и увидел его. Генрих Фогель

сидел за огромным столом, заваленным картами и бумагами. Он был высоким, седым, с лицом, изрезанным морщинами. Его глаза были закрыты — он спал прямо в кресле, откинув голову на спинку.

Рядом с ним стояла тень. Высокая, чёрная, с красным оком. Коллекционер наклонился к уху президента и шептал:

— Завтра ты отдашь приказ. Они будут гореть, Генрих. Ты станешь величайшим правителем в истории.

Алексей шагнул вперёд. Коллекционер поднял голову и усмехнулся.

— Ты все таки пришёл. Я ждал тебя, учитель. Ты думаешь, что сможешь остановить его? Он слишком силён. Его воля — как сталь.

— Его воля — как стекло, — сказал Алексей. — Она треснет, если ударить правильно.

Он подошёл к столу и коснулся плеча Фогеля монетой. Президент вздрогнул, но не проснулся. Из его груди вырвался золотой свет — душа, которую Смотритель мгновенно подхватил и увлёк за собой в Коллайдер.

Тело Фогеля обмякло, голова упала на стол. Он был мёртв.

Коллекционер зашипел, как змея, наступившая на угли.

— Ты заплатишь за это, — сказал он. — Ты всего лишь пешка. Ты не знаешь, что начал. Глупец.

Он исчез, и кабинет погрузился в тишину. Только дождь барабанил по стеклу.

Алексей стоял рядом с телом президента и чувствовал, как монета остывает в его руке. Он не испытывал радости, ни облегчения. Он просто выполнил задание.

Он вышел из здания тем же путём, и никто его не остановил. На улице шёл дождь, и город казался пустым, как его собственная жизнь.

Он сел на скамейку у вокзала и долго смотрел на мокрый асфальт. В кармане монеты не было, видимо она превратилась в холодный металл, и просто потерялась. Голос Смотрителя стих.

Алексей понял, что теперь он не просто учитель. Он инструмент. И это знание было тяжелее, чем любая депрессия.

Глава 3. Урок

Он вернулся в школу через неделю после того, как убили президента. Никто не знал. Никто не должен был знать. Но он чувствовал себя так, будто на нём висит табличка с надписью «УБИЙЦА», и все смотрят на неё, но вежливо молчат.

Первый урок был у десятого класса. Они сидели за партами, и их лица были такими же, как всегда — усталыми, сонными, иногда наглыми.

Алексей стоял у доски и смотрел на них, пытаясь вспомнить, о чём они говорили на прошлом занятии. Он не помнил. Он смотрел на их глаза и видел в них будущее, которое не наступит, если Судья решит стереть всё.

— Алексей Павлович, — сказала девочка с первой парты, Марина. — У вас какой-то странный вид. Вы заболели?

— Нет, — ответил он. — Я просто думал о том, что мир — это не квадратное уравнение. Его нельзя решить. Его можно только пережить.

Класс замер. Марина нахмурилась, потом повернулась к

соседке и прошептала:

— Он точно заболел.

Соколов, тот самый, с которым Алексей срывался в первый день, поднял руку.

— Алексей Павлович, а вы не хотите на нас накричать?
— спросил он. — Это было бы привычнее.

Алексей посмотрел на него и вдруг улыбнулся. Не той улыбкой, которой он улыбался, когда проверял тетради. А настоящей.

— Нет, Соколов. Сегодня я хочу быть добрым.

— Это подозрительно, — сказал Соколов. — Обычно, когда учитель добрый, он хочет провести контрольную.

Класс засмеялся. Алексей тоже засмеялся. Ему казалось, что он забыл, как это делать.

— Хорошо, — сказал он. — Контрольной не будет. Но если вы хотите, мы можем поговорить о том, что такое жизнь.

— О жизни? — переспросила Марина. — А это входит в

программу?

— Не входит, — ответил Алексей. — Но я думаю, что это важнее, чем производные и теоремы.

Класс переглянулся. Соколов поднял руку снова.

— Тогда скажите, Алексей Павлович, — сказал он. — Что такое жизнь?

Алексей сел на край учительского стола и посмотрел на них. Он видел их лица — молодые, ещё не тронутые болью, ещё не знающие, что такое терять. Он хотел сказать им правду. Хотел сказать, что жизнь — это извечная борьба, с душой, с самим собой. Но он сказал другое.

— Жизнь, — сказал он, — это когда ты просыпаешься утром и не знаешь, что будет. Это когда ты боишься, но всё равно идёшь. Это когда ты теряешь, но продолжаешь искать.

Марина задумалась.

— Это грустно, — сказала она.

— Это правда, — ответил Алексей.

— Тогда я лучше буду решать производные, — сказал Соколов. — Они хотя бы понятные.

Класс снова засмеялся.

Алексей встал и подошёл к доске. Он взял мел и написал первое уравнение, которое пришло в голову. Оно было простым, почти детским.

— Вот, — сказал он. — Это жизнь. Она кажется сложной, но если разложить на части, становится проще.

— А если не становится? — спросил голос с последней парты.

Алексей обернулся. Там сидел Дима, его любимый ученик, который всегда молчал. Он смотрел на Алексея с серьёзным лицом.

— Тогда ты просто продолжаешь искать, — сказал Алексей. — Ищешь до тех пор, пока не найдёшь.

Дима кивнул. Он не улыбнулся, но в его глазах было что-то, чего раньше не было. Понимание.

— А что, если не найдёшь? — спросил Соколов.

Алексей посмотрел на него и вдруг подумал, о жене, о коллайдере, о ночи на мосту.

— Тогда ты просто продолжаешь жить, — сказал он. — Это и есть ответ.

Урок прошёл незаметно. Когда прозвенел звонок, Соколов подошёл к столу и положил на него яблоко.

— Это вам, — сказал он. — Чтобы не болеть.

Алексей посмотрел на яблоко, потом на Соколова. Мальчик смущённо пожал плечами и быстро вышел.

Алексей взял яблоко в руки. Оно было холодным, твёрдым, настоящим. Он улыбнулся и надкусил его.

За окном снова шёл дождь, но теперь он казался не серым, а тёплым, как детская улыбка.

Дождь всё шёл, и Алексей сидел на скамейке, глядя на лужи, в которых отражался свет фонарей. Он думал о Фогеле, о его смерти, о том, как легко уходит жизнь. И вдруг он

вспомнил её.

Они встретились в библиотеке. Ей было двадцать три, он — двадцать семь. Она искала книгу о созвездиях, он сборник задач по математике. Их руки встретились на одной полке.

— Извините, — сказала она. — Это моя книга.

— Нет, моя, — ответил он.

Она улыбнулась, и он забыл, как дышать. В её глазах было столько света, что он на мгновение ослеп.

— Тогда давайте читать вместе, — сказала она.

Он не знал, как она его полюбила. Он был обычным, скучным, заикленным на цифрах. Она была живой, смеющейся, полной планов. Она говорила: «Ты — мой тихий берег. Я могу бушевать, а ты меня держишь».

Она заболела через пять лет после свадьбы. Рак. Диагноз поставили слишком поздно. Он помнил, как сидел у её кровати и держал её за руку. Она была бледной, худой, но она улыбалась.

— Не плачь, — сказала она. — Я не хочу, чтобы ты плакал. Я хочу, чтобы ты жил. Обещай мне, что будешь жить.

Он обещал. Но когда она умерла, он понял, что не умеет жить без неё. Он перестал чувствовать вкус еды, перестал слышать музыку, перестал видеть цвета. Всё стало серым, как дождь за окном.

Он вспомнил, как она лежала на больничной койке, как её рука холодила в его ладони. Он вспомнил, как медсестра сказала: «Всё кончено». Он вспомнил, как вышел из палаты и долго стоял в коридоре, не в силах сделать шаг.

— Ты сказала, что я должен жить, — прошептал он в пустоту. — Но я не знаю, как это делать. Ты ушла, и я остался один.

Дождь стучал по крыше вокзала. Алексей закрыл глаза и почувствовал, как по щекам текут слёзы. Он не вытирал их. Он сидел и плакал, как ребёнок, который потерял всё.

«Если бы я мог вернуть тебя, — подумал он. — Я бы отдал всё. Но я не могу. И это — самое тяжёлое».

Он встал и пошёл. Не глядя по сторонам. Он знал, что должен жить. Она хотела этого. И он попытается. Даже если

это будет больно.

Глава 4. Друзья

Он брел по улице, когда город уже зажигал фонари. Дождь кончился, и мокрый асфальт блестел, как чёрное зеркало. Алексей стоял, сжимая в кармане пустоту — монеты больше не было, и голос Смотрителя стих. Он чувствовал себя так, будто только что вернулся с войны, хотя нигде не воевал.

Он пошёл не домой. Он пошёл в бар, куда они с Василием ходили по пятницам, когда у обоих было настроение не быть одними.

Василий уже сидел за столиком у окна. Он не удивился, увидев Алексея. Он просто пододвинул ему стул и жестом подозвал официанта.

— Два светлых, — сказал он. — И два солёных кренделя.

Алексей сел, положил руки на стол и уставился в деревянную столешницу. В ней были вырезаны инициалы — чьи-то любовные признания, чьи-то клятвы, которые никто не сдержал.

— Ты выглядишь так, будто видел призрака, — сказал Ва-

сий. — Или жену, которая умерла пять лет назад.

— Хуже, — ответил Алексей. — Я видел живого человека, который хотел уничтожить мир.

Василий усмехнулся и отпил пиво.

— Это ты про того президента? Я слышал по новостям — умер внезапно. Инфаркт. Ты к этому как-то причастен?

Алексей посмотрел на друга. В его глазах была та же лёгкая ирония, с которой Василий всегда говорил о политике, о футболе, о женщинах. Он не верил в заговоры, в судьбу, в Бога. Он верил только в то, что можно потрогать.

— Я был там, — тихо сказал Алексей. — Я стоял над ним, когда он умер.

Василий перестал жевать. Он поставил кружку на стол и посмотрел на друга с неожиданной серьёзностью.

— Ты шутишь?

— Я не шучу.

— Тогда я не хочу знать, как ты там оказался, — сказал

Василий. — Я хочу знать, почему ты пришёл сюда, а не домой.

— Потому что дома пусто, — ответил Алексей.

Они сидели молча. За окном проехал трамвай, зазвенел, как старая память. Официант принёс пиво, поставил перед ними, и они оба взялись за кружки, не чокаясь.

— Ты помнишь, как мы познакомились? — спросил Василий.

— В учительской, — ответил Алексей. — Ты спросил, не возьму ли я твой класс на подмену, потому что у тебя похмелье.

— А ты сказал: «С похмелья не работают, иди домой». И я пошёл домой. И с тех пор мы дружим. Потому что ты единственный учитель, который не строил из себя начальника.

Алексей усмехнулся. Впервые за несколько дней он почувствовал, что его лицо может двигаться не только от усталости.

— Ты всегда знаешь, что сказать, — сказал он.

— Я всегда знаю, когда сказать «выпей», — ответил Василий.

Он поднял кружку, и Алексей поднял свою. Они чокнулись, и пиво было холодным, горьким, настоящим.

— Что с тобой происходит? — спросил Василий после долгой паузы. — Ты хотел спрыгнуть с моста. Ты вернулся в школу, но ты — не ты. Ты смотришь на детей так, будто они не дети, а... я не знаю. Будто они часть какой-то игры.

Алексей смотрел на пену, которая оседала на стенках кружки. Он думал о том, что Василий — единственный, кто не боится задавать вопросы.

— Ты веришь в души? — спросил он.

— Души? — Василий задумался. — Я верю, что у каждого есть что-то внутри. Что-то, что остаётся, когда уходит тело. Но я не знаю, как это называется. Может быть, это просто память. Может быть, любовь.

— А если душу можно пересобрать, как пазл? — спросил Алексей. — Если из неё можно убрать зло и оставить только добро?

Василий посмотрел на него долгим, изучающим взглядом.

— Ты читал что-то странное, — сказал он. — Или пил что-то крепче пива.

— Я серьёзно, — сказал Алексей.

— Если душу можно пересобрать, — сказал Василий, — то что останется от человека? Если ты уберёшь зло, ты уберёшь и часть его борьбы. А борьба — это то, что делает нас людьми. Я не хочу быть идеальным. Я хочу быть живым. Даже если это значит быть злым иногда.

Алексей молчал. Он смотрел на друга и думал о том, что Василий, сам того не зная, сказал больше, чем любой философ.

— Ты прав, — сказал он. — Наверное.

Они допили пиво. Василий заказал ещё по одной.

— Ты должен жить, — сказал Василий. — Я не знаю, что ты сделал там, в той стране. Я не хочу знать. Но ты вернулся. Значит, у тебя есть причина.

— У меня нет причины, — сказал Алексей. — Я просто

боюсь умереть.

— Вот и хорошо, — сказал Василий. — Страх — это не слабость. Это то, что держит нас на земле.

Они сидели до полуночи, пили пиво, смотрели на прохожих и говорили о женщинах. Василий рассказывал о своей новой знакомой, Алексей слушал и иногда кивал. Он почти забыл о Коллайдере, о Смотрителе, о Коллекционере. Почти.

Когда они вышли из бара, луна была полной, и город казался другим — менее холодным, более живым.

— Я провожу тебя, — сказал Василий.

— Не надо, — ответил Алексей. — Я хочу пройтись один.

Они пожали друг другу руки. Рука Василия была тёплой, грубой, как у человека, который не боится работы.

— Если что — звони, — сказал Василий. — Даже ночью.

Алексей кивнул и пошёл по пустой улице. Но ему было тепло от того, что есть кому звонить.

—

Воспоминания нахлынули сами собой.

Алексей стоял в коридоре больницы, когда медсестра подошла к нему и протянула конверт.

— Это оставила ваша жена. За день до смерти. Она сказала передать вам, когда вы будете готовы.

Алексей взял конверт. Он был тонким, почти невесомым, но пальцы дрожали, когда он вскрывал его. Внутри лежал лист бумаги, исписанный её почерком — мелким, аккуратным, таким, каким она писала ему записки по утрам.

«Алексей, если ты читаешь это, значит, все уже случилось. Я пишу это ночью, когда ты спишь. Ты держишь мою руку, даже во сне, и я чувствую, как твои пальцы сжимаются, будто ты боишься, что я исчезну. Ты всегда боялся этого. Даже когда мы были молодыми, и я смеялась над твоими страхами, ты боялся потерять меня. И вот — я ухожу. Не потому, что ты что-то сделал не так. А потому, что так устроен мир. Или то, что мы называем миром.

Так случилось что я ушла. Я просила у Бога сделать твою жизнь ярче. Я понимала, что ты достоин большего чем учитель. Я предлагала свою жизнь взамен.

Это вряд ли возможно, но думаю, Он согласился. Одна-

жды ночью

Он пришел. Высокий и худой в маске с пылающим оком и развивающимся плащом.

- Тогда нужно отдать душу за него. Ты согласна ?

Я кивнула.

Он исчез.

Теперь я здесь. Я не жалею. Это все странно. Возможно, это был лишь дурной сон.

Я люблю тебя. Я всегда любила тебя. С того дня в библиотеке, когда ты взял в руки книгу о созвездиях, хотя искал математику. Ты посмотрел на меня, и я поняла: этот человек — мой. Я никогда не ошибалась в людях. И я не ошибаюсь сейчас.

Не ищи меня. Я не умерла — я стала частью того, что спасёт тебя. Я буду в каждой душе, которую ты встретишь. Я буду в каждом выборе, который ты сделаешь. Я буду в каждом дожде, который ты увидишь. Потому что я часть тебя. Я всегда была частью тебя.

Живи, Алексей. Живи так, как ты хотел жить. Не бойся талантов, не бойся боли, не бойся любви. Ты сильнее, чем думаешь. Ты всегда был сильнее.

Я ухожу. Но я остаюсь с тобой.

Твоя Лена.

Он сжал письмо в кулаке и вышел из больницы. Дождь кончился, но на душе было тяжелее, чем когда-либо.

«Если она знала, она видела его, она сделала свой выбор — подумал он, — значит, она видела то, чего я не вижу. Может быть, она хотела, чтобы я не просто жил, а понял что-то важное. Но что?»

Он спрятал письмо во внутренний карман пальто, рядом с сердцем.

Через две недели после возвращения Алексей сидел в своей квартире и проверял тетради. За окном шёл дождь, и фонарь качался на ветру, отбрасывая жёлтые круги на мокрый асфальт. Он уже почти забыл о Фогеле — о том, как тот умер, о золотом свете, который вырвался из его груди. Почти.

Звонок в дверь раздался в десять вечера. Алексей не ждал гостей. Он подошёл к двери, посмотрел в глазок и увидел двоих мужчин в строгих плащах. Они стояли молча, и их ли-

да были серьёзными, как у людей, которые привыкли видеть самое плохое.

— Алексей Павлович? — спросил один из них, когда дверь открылась. — Старший следователь Ковалёв. Это мой коллега, капитан Смирнов. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

Алексей не удивился. Он знал, что это должно было случиться. Он просто отступил в сторону, пропуская их внутрь.

— Проходите.

Они сели на кухне, и следователь положил на стол фотографию. На ней был Генрих Фогель — живой, улыбающийся, с рукой, поднятой в приветствии.

— Вы знаете этого человека? — спросил Ковалёв.

— Нет, — ответил Алексей. — Я никогда не видел его.

— Странно, — сказал следователь. — Мы проверили записи камер. Вы были в его стране за два дня до его смерти. Потом вы входили в его резиденцию. Заходили в его кабинет. Стояли там. Там был еще был ? Кто то выходил из кабинета ? Как вы объясните это?

Алексей смотрел на фотографию и чувствовал, как внутри поднимается холод. Он знал, что должен был быть осторожнее. Но в тот миг, монета в его кармане нагрелась, и голос Смотрителя был так ясен, что он не мог послушаться. Кажалось, он все делает правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.